

«Город мечты»: образ Нижнего Новгорода в интерпретации А. де Кюстина и Т. Готье

Н. М. Ильченко¹, Е. И. Никанорова²

¹доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной филологии,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.

Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

²аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.

Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается изображение Нижнего Новгорода французскими путешественниками – А. де Кюстином и Т. Готье, посетившими нижегородскую ярмарку в августе 1839 г. и в августе 1861 г. соответственно. Несмотря на разницу во взглядах, оба путешественника представляют одну культуру и проявляют искренний интерес к образу Другого – чужой стране, другому народу, инонациональной культуре. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблеме региональной национальной идентичности.

Показано, что образ Нижнего Новгорода в книгах путешествий А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843) и Т. Готье «Путешествие в Россию» (1858–1861; 1867) имеет четкие топографические ориентиры (нижегородская ярмарка, названия улиц, площадей и др.), конкретные приметы городского нижегородского пространства (кофейня, фонтан на площади, губернатор, особенности одежды и др.). Особое внимание путешественники уделяют описанию местоположения города, Волге как своеобразной эмблеме русского мира и ярмарке как основному символу Нижнего Новгорода. Представлены результаты сопоставительного анализа произведений французских путешественников, создавших свою интерпретацию нижегородского пространства, ставшего своеобразным олицетворением России с оппозицией безграничность/тоска, бескрайние просторы/печаль. Новизна исследования связана с тем, что Нижний Новгород показан как пространство, ярко выявляющее незыблемое и особенное, что есть в нации; этот своеобразный «комплекс» идентичности проанализирован с использованием современного научного аппарата имагологии.

Такой подход позволил показать в исторической перспективе особенности формирования нижегородского текста, создававшегося в литературе путешествий на протяжении веков как отечественными, так и иностранными авторами.

Ключевые слова: путешествие, чужое, топос, ярмарка, пространство.

Развитие урбанистики в литературоведении связано со значимостью проблематики и поэтики пространства, что проявляется в исследованиях последнего времени [2; 8; 9; 14; 16]. Литературный образ городского пространства рассматривается в качестве «метаязыка описания культуры» [15, с. 463]. Категория пространства, будучи универсальной, проявляется «в художественном тексте любого жанра, направления и стиля» [10, с. 7]. Литературная форма описания путешествий правдиво и ярко позволяет запечатлеть атмосферу того или иного топоса. «Гений места», связывающий такие явления, как интеллектуальные, духовные, эмоциональные, с конкретным местом, по-разному проявляется в жанре путешествия, соединяющего в себе путевые заметки, мемуары, письма, элементы путеводителя и др. [4].

Восприятие города (страны) иностранными путешественниками является, с одной стороны, своеобразным «документом эпохи». Для анализа выбирается образ Нижнего Новгорода, национально значимого пространства, в восприятии французских путешественников – А. де Кюстина и Т. Готье. В своих книгах путешествий – «Россия в 1839 году» («La Russie en 1839», 1843) и «Путешествие в Россию» («Voyage en Russie», 1858–1861; 1867) – они выразили свое восприятие Нижнего Новгорода. Взгляд «посторонних» позволяет увидеть город не только реальным, каким он был в середине XIX века, но и необычным, поскольку «чужое» восприятие, по словам Г. Брандеса, способно увидеть такие особенности, «на которые туземец не обратит даже внимания, потому что постоянно видит их перед собою, а главным образом потому, что сам ими отличается» [2, с. 2].

Период, избранный для путешествия, всегда значим. Отношения России и Франции после жестокого подавления польского восстания 1831 года были достаточно сложными. Однако антирусские настроения, господствующие во французском обществе, не задержали

А. де Кюстина (1790–1857). Цель его поездки объяснялась во многом личными причинами: отец и дед писателя были казнены во время Великой французской революции, что заставило маркиза отправиться в далекую страну, чтобы убедиться в преимуществах самодержавной формы правления, существовавшей в России. Поэтому французского путешественника особо интересовала монархическая система власти, он много рассуждает об исторических, социальных, политических проблемах. Т. Готье (1811–1872) – знаменитый поэт, автор теории «искусство для искусства», посетивший Россию дважды, в 1858–1859 гг. и в 1861 г., политиком не интересовался. Оказавшись в стране в период подготовки и отмены крепостного права, писатель не дает оценки этому важному в истории России событию. Несмотря на разницу политической ориентации, оба путешественника – представители одной культуры, оказавшиеся в Нижнем Новгороде с несущественной разницей во времени. А. де Кюстин посетил город в конце августа 1839 года, а Т. Готье – в конце августа 1861 года; маршрут их путешествия совпадает: они добирались от Ярославля, только маркиз по суше, а Т. Готье по воде.

Обычно самой эмоциональной становится первая встреча с городом. А. де Кюстин свое восхищение местоположением города сформулировал лаконично и четко: «Место, где расположен Нижний, – самое красивейшее из всех виденных мною в России» [13, с. 24] («Le site de Nijni le plus beau que j'aie vu en Russie» [19, p. 250]). Мнение французского путешественника совпадает с позицией русских путешественников. Так, М. Невзоров, посетивший Нижний Новгород в 1800 году, называет его «царственным» и полагает, что город «достоин быть столицею столь пространного царства, какова Россия» [17, с. 454]. Эпитеты «красивейший», «царственный», «величественный» и им подобные встречаются при характеристике нижегородского пространства. А. де Кюстин использует и другие в своем описании: «Перед вами... настоящая гора, образующая могучий мыс при слиянии Волги и Оки. Обе эти реки одинаково величественны... На этой-то горе выстроены Нижний Новгород, господствующий над необъятной, как море, равниной» [12, с. 279].

Т. Готье еще до второго путешествия говорит о мистической связи с Нижним Новгородом: «Названия некоторых городов неотвратимо занимают наше воображение и годами, словно заученная музыкальная фраза, от которой невозможно отделаться... Нижний Новгород уже давно вызывал во мне непреодолимое влечение» [5, с. 349]. Т. Готье тоже отмечает своеобразие местности: «Нижний Новгород стоит на возвышенности, которая после бесконечной вереницы равнин, проплывавших мимо нас, создает впечатление настоящей горы» [5, с. 381] («Nijni Novgorod s'élève sur une éminence qui, après l'interminable succession de plaines qu'on vient de traverser, produit l'effet d'une montagne sérieuse» [20, p. 402]). В отличие от своего предшественника, он дает более красочное описание пространства, используя цветовую символику: «украшенная зеленью набережная», «луковицеобразные купола» церквей в кремле с «золотыми крестами», «красные здания с белыми оконными переплетами» на набережной и др. [5, с. 382] («le quai égayé de verdure», «des clochers bulbeux à croix dorées», «de grands batiments rouges aux fenêtres encadrées de blanc» [20, p. 402]).

Можно говорить о проницательности Т. Готье, сумевшего воплотить городскую среду в художественный образ. Рассматривая пространство, открывающееся взору, он рисует следующую картину: «...я открыл безграничную панораму, великолепнейший вид: по слегка волнистым равнинам... широкими кольцами извивалась Волга... На берегу реки с моей стороны глаз различал несколько домиков, отсюда они казались еще меньше, чем знаменитые нюрнбергские игрушечные деревни в коробках... Это был поистине русский пейзаж» [5, с. 396]. Описание Т. Готье практически полностью воспроизводит картину А. К. Саврасова «Печерский монастырь близ Нижнего Новгорода», которая будет написана через десять лет в 1871 году и будет воспринята современниками как запечатлевшая особенно выразительно национальный русский пейзаж: бесконечное течение реки, серые живописные домики слободки, уходящая за горизонт равнина и на заднем плане монастырь. Еще одним доказательством глубокого постижения «чужого» является фрагмент повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845), где это же пространство описывается как типично русское: «Налево у ног ваших, под ужасною крутизною, вы увидите широкую реку-матушку, любимую народом... Направо, на скате горы, громоздятся дружною кучей между кустов и деревьев живописные хаты... а над ними... вы увидите белую ленту монастырской ограды, из среды которой возвышаются куполы церквей и келии иноков» [18, с. 249]. Получается, что французский путешественник посмотрел на Нижний Новгород глазами заинтересованного наблюдателя, он увидел «чужое» пространство изнутри. «Русский пейзаж», образ России – это Волга с ее необозримым природным

пространством. Волга является символом России. Т. Готье выделяет бескрайние просторы, открывающиеся перед взором: «Все терялось, стиралось, таяло в безмятежной лазоревой шире ландшафта, немного печальной и напоминающей морскую безграничность» [5, с. 396]. Однако ширь ландшафта, в представлении Т. Готье, соединяется с вызываемым ею чувством печали. Именно эта оппозиция – безграничность и тоска, бескрайние просторы и печаль – становится для французских путешественников олицетворением России, осознанном в пределах нижегородского пространства.

А. де Кюстин – страстный поклонник русской песни. Он рассказывает о сильном впечатлении от пения мужского хора, которое услышал на берегу Волги: «Окружающий пейзаж не смягчает пронизывающей их печали» [13, с. 47–48] («La tristesse des sons n'est pas mitigée par la décoration de la scène» [21, pp. 277–278]). В этот «печальный» пейзаж входит Волга, берега которой называются «безлюдной равниной», «тусклым краем» [13, с. 48]. Слова «тоска», «печаль» в связи с описанием бескрайних волжских просторов повторяются. Близкое восприятие национальной русской реки дается в книге путешествий А. Дюма «От Парижа до Астрахани. Свежие впечатления от путешествия в Россию» («De Paris a Astrakan: nouvelles impressions de voyage» (1862)). В Нижнем Новгороде знаменитый французский писатель оказался в октябре 1858 года. «Я не знаю зрелища более печального и однообразного, чем Волга... Однообразие этого громадного потока не скрашивает ни один островок; ни одно судно, ни одна лодка не оживляла речную гладь; это было одиночество под сумрачным гнетом своего правителя – тишины» [6] («Je ne sais rien de plus triste et de plus uniforme que l'aspect du Volga. Pas une île qui rompe la monotonie de cet immense cours d'eau; pas un bateau, pas une barque qui l'anime, c'est la solitude sous la sombre domination de son roi légitime, le silence» [19, pp. 164–165]). Тоска, полагает А. Дюма, возникает и от созерцания «бесконечных равнин», «пустынных бесконечных дорог». «Власть пространства», «опьянение пространством» – выражения, к которым обращаются иностранцы при характеристике бескрайних просторов России.

Для русских людей Волга – тоже олицетворение бескрайних просторов, но образ реки сливается не с понятиями «тоска», «печаль», а с понятиями «свобода», «удаль», «воля» [7]. Волга – своеобразная эмблема русского мира, часть национальной истории и культуры. Об «упоительности необозримой дали», «ни с чем не сравнимым» «простором русским» писали И. Е. Репин и Ф. И. Шаляпин, М. Горький и Б. Корнилов, многие знаменитые русские писатели, ученые, художники, которые в разное время гуляли по Нижегородскому откосу и любовались с высоты кремля «могучим потоком и перспективой равнинной заволжской дали» [11].

Символ Нижнего Новгорода – ярмарка. Она была перенесена сюда после пожара, уничтожившего в 1816 году Макарьевскую ярмарку. Первое, что бросается в глаза французским путешественникам, – толпы людей: «В одном только месте в России видел я настоящую толпу – в Нижнем, на мосту через Оку, единственном пути сообщения между городом и ярмаркой» [12, с. 281]. Ему вторит Т. Готье: «... по обеим сторонам моста через Оку... текли толпы людей» [5, с. 387]. Оба путешественника обращают внимание на существующую взаимосвязь человека и места. По подсчетам А. де Кюстина, в Нижнем Новгороде, где проживает двадцать тысяч жителей, в период ярмарки (т. е. на три месяца в году) количество жителей увеличивается в десять раз, а потом жизнь в городе снова замирает. «Девять месяцев в году, пока ярмарка пустует, в Нижнем едва ли наберется двадцать тысяч жителей, затерянных среди его обширных улиц и безлюдных площадей» [13, с. 27].

Одно из часто повторяющихся наблюдений маркиза – «мало людей» для столь «огромных пространств» [12, с. 285]; «ярмарочный городок, как и все современные города России, слишком просторен» [13, с. 34]; «расстояния в России огромны» [12, с. 290]. Т. Готье поэтично говорит об «опьянении пространством», о «безграничной панораме» [5, с. 370, 396]. В восприятии одного пространства проявляется субъективность авторской позиции. Т. Готье иногда просто констатирует необозримость пространства, иногда с восхищением пишет о богатстве просторов: «река широка», «скопление судов... огромно», «ширилась площадь» [5, с. 381–382], а А. де Кюстин всегда подчеркивает контраст: «Этот чинный базар кажется пустынным – так он велик» [12, с. 285] («C'est une bazar en carré long qui paraît solitaire, tant il est grand» [21, p. 262]).

Системы лейтмотивов, пронизывающих описание ярмарки, тоже разные. А. де Кюстин, похвалив «картинный» вид ярмарки, отмечает ее расположение «на огромном треугольнике песчаной, совершенно плоской суши», подчеркивает ее вид как «слишком уж обширный и плоский», ярмарочный городок «плоский, как скатерть», «бесплодная равнина», «сплошная безлюдная равнина» [13, с. 33, 36, 43, 48]. Эти описания Нижнего Новгорода вписываются

в общую картину восприятия А. де Кюстином России: «Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина без красок, без очертаний» [12, с. 277]. Особое внимание маркиз уделяет климатическим условиям, давая им оценку в негативной форме. Он называет в целом природу России «скудной», а климат – «смертоносным» [12, с. 224]. Нижний Новгород встретил маркиза «тропической жарой и удушливой пылью» (письмо датируется 24 августа 1839 года, вечером). К описанию «удушливого зноя, пыли», угнетающе действующих на путешественника, перепадов дневной и ночной температур А. де Кюстин возвращается несколько раз [12, с. 287, 303 и др.] и делает вывод о непереносимости местного климата.

Феномен топоса представлен у Т. Готье иначе и зависит не столько от объективных причин (политических, социальных, а также от географического положения, климатических условий), сколько от субъективных, нацеленных на позитивное восприятие: «Климат умеренный и здоровый» [5, с. 347]. Интересно, что второе путешествие в Россию приходится на август-октябрь 1861 года, но пишет он о зиме и отходит от привычного стереотипа: «Русские, к какому бы классу они ни принадлежали, в большинстве случаев люди зябкие, хотя на Западе и воображают, что они не страдая переносят самые жестокие холода» [5, с. 356]. Во время первого путешествия в Россию (сентябрь 1858 – март 1859) Т. Готье страдал от зимнего холода, но подчеркивал благотворное влияние зимней погоды на русских людей.

Подробное описание ярмарки содержится в путевых записках А. де Кюстина, тогда как Т. Готье дает образное восприятие всему увиденному. Маркиз подробно описывает «чайный город», «город тряпья» (или ветошный), «город железа», «город кашемирской шерсти», «город сушеной и соленой рыбы», «кожаный город». Главным товаром, определяющим стоимость всех других, является чай. «Время расцвета Нижегородской ярмарки – середина и вторая половина XIX века, а чай на ней, наряду с текстилем, изделиями из металлов, шерстью и шелком, – одна из главных статей дохода» [1, с. 36]. А. де Кюстин подробно описывает маршрут, по которому чай из Китая попадает в Нижний Новгород. В книге «Что вам нужно в этом Нижнем?..» (Нижний Новгород : Книги ; ДЕКОМ, 2011), где использован перевод с французского В. А. Мильчина, И. К. Стаф (Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во Сабашниковых, 1996. 528 с.) ошибочно напечатано: «Чай доставляется в Россию через Вятку, расположенную в глубине Азии» [13, с. 37] («Le thé vient de la Chine en Russie par Kiatka, qui est au fond de l'Asie» [21, p. 265]). На самом деле речь идет о Кяхте – городе, который находится в Забайкалье рядом с монгольской границей.

Т. Готье интересуется – есть ли на ярмарке китайцы, поскольку известно, что они не любят выезжать за пределы своей страны. Действительно, в Нижнем Новгороде оказался только один китаец, и «тот, чтобы избавиться от назойливых любопытных, в конце концов облачился в европейский костюм» [5, с. 391]. Внешние наблюдения становятся частью социально-этической характеристики жизни Нижнего Новгорода ярмарочного периода. «Местом для деловых свиданий служат чайные, которые обычно как бы прячутся за фонтанами для омовений, устроенными на мусульманский лад» [5, с. 390]. Чаепитие с середины XIX века стало своеобразным проявлением общественной жизни: «За чаем нередко решались все самые важные дела, обсуждались самые серьезные вопросы» [1, с. 276]. Т. Готье обращает внимание, что во время заключения сделки торговцы «пьют из блюда горячий, как кипяток, чай вприкуску, разговаривают с совершенным безразличием, как будто бы в этих безучастных на первый взгляд беседах не идет речь об огромных прибылях» [5, с. 390]. Французские путешественники подмечают особенности национального чаепития.

Оба путешественника с восхищением говорят о «подземном городе», созданном А. Бетанкурром. Под каждым ярмарочным рядом была проведена подземная галерея, которая промывалась водами подземных рек: «Это гигантское и необычное сооружение, может быть, единственное в своем роде во всем мире, благодаря такой ассенизационной системе много раз изгоняло из этих мест холеру и чуму» [5, с. 392]. А. де Кюстин называет это сооружение одним из «самых грандиозных», которые он видел в России: «По своей величине и прочности это напоминает Рим» [13, с. 35].

Т. Готье дает яркие характеристики разным типам людей, встречаемым на ярмарке: «скуластые татары с прищуренными глазами и вздернутыми носами, какие обычно рисуют на профиле луны, толстогубые, желтолицые с зелеными тенями на выбритых висках», персы «с овальным вытянутым лицом, длинным носом с горбинкой, блестящими глазами, густыми черными бородами», армяне, «одетые в узкие куртки с широкими рукавами», черкесы «с осинными талиями и большими меховыми папахами на головах» [5, с. 390].

А. де Кюстин отмечает «несхожесть по облику, по одежде и языку, по верованиям и нравам» купцов, съехавшихся на ярмарку [13, с. 27]. Однако он отмечает близость восточных людей: «их можно поделить на два разряда: у одних обезьяньи лица (калмыки, монголы, башкиры, китайцы), у других греческий профиль (черкесы, персы, грузины и индийцы и проч.)» [13, с. 33]. Если, описывая русских, Т. Готье обращает внимание на розовый цвет рубахи [5, с. 356, 388, 390], то А. де Кюстин говорит о «белых с красной вышивкой рубахах навыпуск», полагая, что «такой костюм заимствован у татар» [13, с. 36]. Маркиз обычно подчеркивает близость русских к Востоку: «Лица персиян производят немного впечатления в здешних краях, где местные жители – сами азиаты и хранят отпечаток своего происхождения»; «русские и есть азиаты, пообтесавшиеся, но вряд ли цивилизованные» [13, с. 41, 47]. Одна из основных характеристик русских – молчаливость, она тоже роднит их с азиатами, которые «сохраняют важность даже в развлечениях» [13, с. 47]. Молчаливость вместе с осторожностью лежат в основе повседневного порядка и приравниваются А. де Кюстином к «тоске и забитости» [13, с. 46]. Т. Готье тоже отмечает молчаливость: на ярмарке, где сходится много людей, обычно шумно, «но толпа русских молчалива» [5, с. 387].

Еще одну особенность, характерную для русских, отмечают в Нижнем Новгороде французские путешественники – необыкновенную ловкость людей, управляющих лошадьми. «Когда мы ехали по мосту, мне казалось, что прежде чем достигнуть противоположного берега, мы раздавим не меньше двух десятков человек» [12, с. 281]. Ему вторит Т. Готье: «По обеим сторонам моста через Оку, вымощенного, как палуба парохода, брусьями, тянулись дощатые тротуары. Здесь текли толпы людей, а по проезжей части неслись повозки со скоростью, которая в России ничем не сдерживается. Но благодаря изумительной ловкости кучеров и удивительному послушанию пешеходов несчастных случаев не происходило» [5, с. 387].

Маркиз признает верность известного ему стереотипа: «я вспоминаю часто слышанное мною утверждение, что русские необычайно ловки и искусны, и вижу, как это верно» [12, с. 275]. Т. Готье подчеркивает «смешливость» нижегородских извозчиков, внутренним чутьем определяющих, кого и куда нужно везти. Еще одним качеством нижегородцев восхищается французский путешественник – «религиозной терпимостью»: православная церковь и мечеть располагаются рядом, и оба вероисповедания пребывают в «добрососедских отношениях» [5, с. 395].

Особенности русского национального характера, по мнению А. де Кюстина, ярко проявляются в песне. Врожденную музыкальность он называет «одним из даров» «этой избранной нации». Русскую песню отличают «меланхолические напевы», «печальные тона», «мелодичность», «хоровое исполнение», делающее ее возвышенной [12, с. 275]. А. де Кюстин побывал с губернатором в нижегородском воинском лагере и услышал, как «шестьсот человек рядом пели молитву, и этот военно-религиозный хор производил поразительное впечатление» [13, с. 52]. Путешественник использует многочисленные сравнения, передавая это впечатление: «как будто под чистым и голубым небом величественно подымалось ввысь благовонное облако», молитва «подобна столбу огня и дыма, что вздымается из развороченного кратера вулкана и достигает небосвода» [13, с. 52].

А. де Кюстин слушал пение нижегородских цыган и отметил, что они «выразительней, сильнее и разнообразней» московских [13, с. 58]. Подробный анализ впечатления, рождаемого цыганской песней, описывает и Т. Готье: «Их мелодии похожи на песни птиц, шелест листьев, вздохи золотой арфы, в их ритме – отдаленный галоп лошадей в степях» [5, с. 370]. В песнях цыган выражается «тайно хранимая в глубине сердца любовь к независимости и бродячей жизни, они вдыхают в вас странную тоску по неведомым странам» [5, с. 368].

Для русской песни характерна «глубокая грусть». А. де Кюстин воспринимает ее с помощью много раз повторенного слова «жалоба»: «песня их есть замаскированная жалоба», «жалоба небу» [12, с. 267]. «В России голос человека изливает в песне жалобы небу и просит у него частицу счастья, недоступного и недостижимого на земле» [12, с. 276] («C'est ce qu'elle est en Russie où, des coins les plus reculés du désert, la voix de l'homme élève au ciel ses plaintes vengeresses pour demander à Dieu la part de bonheur qui lui est refusée sur la terre!» [21, p. 244]). Размышления о неприятности пения в устах отдельного певца, которое «приобретает возвышенный, почти религиозный характер» в пределах хора [12, с. 275], связано с типично русским концептом соборности. Поэтому скопление людей на ярмарке не порождает беспорядка, который, по словам А. де Кюстина, «в России вещь неизвестная» [12, с. 281]. «Здесь же, внутри, снова правильный порядок, тишина, безлюдье и полиция – одним словом Россия!» [13, с. 42].

Так, выделяя особенное в русском пении, услышанном в Нижнем Новгороде, маркиз определяет национальное отличие русских и создает образ России, какой он ее увидел. Он убеждается, что «вольность», «беспорядок» здесь были бы «прогрессом, потому что он – сын свободы» [12, с. 281].

Образ Нижнего Новгорода, создававшийся в литературе путешествий на протяжении веков как отечественными, так и иностранными авторами, позволяет определить значимость нижегородского текста и создает основу для развития исследований, важных для регионального самосознания. Сопоставление книг путешествий А. де Кюстина и Т. Готье приводит к выводу об их стремлении понять другую жизнь. Создавая образ Нижнего Новгорода, оба путешественника опирались на существующую взаимосвязь человека и места. *Genius loci* для них – способ понять особенности истории, культуры и национального характера. Для Т. Готье свойственно позитивное изображение «чужого», он изнутри показал национальный русский пейзаж, увидев его именно в Нижнем Новгороде. А. де Кюстин проявил тенденциозность в воспроизведении России и русских, он представил образ Нижнего Новгорода извне – это голос «чужого» в пространстве города. Вместе с тем можно констатировать, что воспроизведение образа города французскими путешественниками достаточно полное, хотя и неожиданное.

Список литературы

1. *Басманова Э.* «Пейте чай, мой друг старинный...». Чай, обычаи чаепития и чайный этикет в русской бытовой культуре XVII – начала XX века. М. : Новый хронограф, 2016. 536 с.
2. *Башиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 376 с.
3. *Брандес Г.* Литература XIX века в ее главных течениях. Немецкая литература / пер. с нем. П. Д. Порозовской и В. И. Писаревой. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1900. 185 с.
4. *Вайль П.* Гений места / посл. Л. Лосева. М. : Колибри, 2008. 488 с.
5. *Готье Т.* Путешествие в Россию / пер. с франц. и коммент. Н. В. Шапошниковой. М. : Мысль, 1988. 396 с.
6. *Дюма А.* Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию. URL: https://royal-lib.com/read/dyuma_aleksandr/iz_pariga_v_astrahan_svegie_vpechatleniya_ot_puteshestviya_v_rossiyu.html#0 (дата обращения: 21.03.2020).
7. *Захарова В. Т.* Онтологический статус образа реки в русской прозе XX века (по материалам мемуарно-автобиографической публицистики) // Вестник Мининского университета. 2013. № 2.
8. *Захарова В. Т.* Универсалии в русской литературе XX века (Серебряный век и русское Зарубежье) : монография. Н. Новгород : Мининский университет, 2019. 184 с.
9. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос, 2002. № 3 (34). С. 1–12.
10. *Ильченко Н. М., Маринина Ю. А.* Париж как реальное и фантастическое пространство в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ш. Бодлера // Научный диалог. 2019. № 7. С. 140–155.
11. *Каяниди Л. Г.* Структура пространства и язык пространственных отношений в поэзии Вяч. Иванова : дис. ... канд. филол. н. Смоленск, 2012. 185 с.
12. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. URL: <http://bookre.org/reader?file=349061&pg=36> (дата обращения: 25.03.2020).
13. *Кюстин А. де.* Николаевская Россия / пер. с франц. Я. Гессена и Л. Домгера. М. : Изд-во политической литературы, 1990. 352 с.
14. *Кюстин Астольф де.* Из книги «Россия в 1839 году» / пер. с франц. В. А. Мильчина, И. К. Стаф // «Что вам нужно в этом Нижнем?...». Нижний Новгород : Книги ; ДЕКОМ, 2011. С. 24–59.
15. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. П. Глазычева. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
16. *Лотман Ю. М.* О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург : Искусство – СПб, 2000. С. 462–484.
17. *Нагина К. А.* Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого : монография. Воронеж : Научная книга, 2012. 443 с.
18. *Невзоров М.* Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году // Ландшафт моих воображений. Страницы прозы русского сентиментализма / сост., вступ. ст. и прим. В. И. Коровин. М. : Современник, 1990. С. 440–499.
19. *Соллогуб В. А.* Тарантас // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л. : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1988. С. 191–327.
20. *Dumas Alexandre.* De Paris à Astrakan: nouvelles impressions de voyage. T. 7. Leipzig : Jung-Treutel, 1862. 202 p.
21. *Gautier Théophile.* Voyage en Russie. Paris : G. Charpentier, 1875. 438 p.
22. *Marquis de Custine.* La Russie en 1839. T. 3. Bruxelles : Société typographique Belge, 1844. 255 p.

"City of dreams": the image of Nizhny Novgorod in the interpretation of A. de Custine and T. Gauthier

N. M. Ilchenko¹, E. I. Nikanorova²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Russian and foreign philology,
Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: ilchenko2005@mail.ru

²postgraduate student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Abstract. The article examines the image of Nizhny Novgorod by French travelers – A. de Custine and T. Gauthier, who visited the Nizhny Novgorod fair in August 1839 and August 1861, respectively. Despite the difference in views, both travelers represent the same culture and show a sincere interest in the image of the Other – a foreign country, another people, a foreign culture. The relevance of the research is due to the growing interest in the problem of regional national identity.

It is shown that the image of Nizhny Novgorod in the travel books by A. de Custine "Russia in 1839" (1843) and T. Gauthier "Journey to Russia" (1858–1861; 1867) has clear topographical landmarks (Nizhny Novgorod fair, street names, squares, etc.), specific signs of the urban space of Nizhny Novgorod (coffee shop, fountain on the square, governor, clothing features, etc.). Travelers pay special attention to the description of the city location, the Volga as a kind of emblem of the Russian world and the fair as the main symbol of Nizhny Novgorod. The article presents the results of a comparative analysis of the works of French travelers who created their own interpretation of the Nizhny Novgorod space, which has become a kind of personification of Russia with the opposition boundlessness/longing, boundless expanses/sadness. The novelty of the research is connected with the fact that Nizhny Novgorod is shown as a space that clearly reveals the inviolable and special things that exist in the nation; this kind of "complex" of identity is analyzed using the modern scientific apparatus of imagology.

This approach allowed us to show in historical perspective the features of the formation of the Nizhny Novgorod text, which was created in the travel literature for centuries by both domestic and foreign authors.

Keywords: travel, alien, topos, fair, space.

References

1. Basmanova E. "Pejte chaj, moj drug starinnyj...". Chaj, obychai chaepitiya i chajnyj etiket v russkoj bytovoj kul'ture XVII – nachala XX veka ["Drink tea, my old friend...". Tea, tea drinking customs and tea etiquette in Russian household culture of the XVII – early XX century]. M. Novy chronograph. 2016. 536 p.
2. Bashlyar G. *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected works: Poetics of space]. M. Russian political encyclopedia. 2004. 376 p.
3. Brandes G. *Literatura XIX veka v ee glavnyh techeniyah. Nemeckaya literatura* [Literature of the nineteenth century in its main streams. German literature] / transl. from German by P. D. Porozovskaya and V. I. Pisareva. SPb. Printing house of the partnership "Public benefit". 1900. 185 p.
4. Weil P. *Genij mesta* [Genius of the place] / afterword by L. Losev. M. Kolibri. 2008. 488 p.
5. Gautier T. *Puteshestvie v Rossiyu* [Trip to Russia] / translated from French and comments by N. V. Shaposhnikova. M. Mysl. 1988. 396 p.
6. Dumas A. *Iz Parizha v Astrahan'. Svezhie vpechatleniya ot puteshestviya v Rossiyu* [From Paris to Astrakhan. Fresh impressions from a trip to Russia]. Available at: https://royallib.com/read/dyuma_aleksandr/iz_parizha_v_astrahan_svezhie_vpechatleniya_ot_puteshestviya_v_rossiyu.html#0 (date accessed: 21.03.2020).
7. Zaharova V. T. *Ontologicheskij status obraza reki v russkoj proze XX veka (po materialam memuarno-avtobiograficheskoj publicistik)* [Ontological status of the river image in the Russian prose of the XX century (based on the materials of memoir-autobiographical publicism)] // *Vestnik Mininskogo universiteta – Herald of Minin University*. 2013. No. 2.
8. Zaharova V. T. *Universalii v russkoj literature XX veka (Serebryanyj vek i russkoe Zarubezh'e) : monografiya* [Universals in Russian literature of the XX century (the Silver age and the Russian Abroad) : monograph]. N. Novgorod. Minin University. 2019. 184 p.
9. Simmel G. *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life] // *Logos – Logos*. 2002. No. 3 (34). Pp. 1–12.
10. Il'chenko N. M., Marinina Yu. A. *Parizh kak real'noe i fantasticheskoe prostranstvo v izobrazhenii E. T. A. Gofmana i Sh. Bodlera* [Paris as a real and fantastic space in the image of E. T. A. Hoffman and S. Baudelaire] // *Nauchnyj dialog – Scientific dialogue*. 2019. No. 7. Pp. 140–155.
11. Kayanidi L. G. *Struktura prostranstva i yazyk prostranstvennyh otnoshenij v poezii Vyach. Ivanova : dis. ... kand. filol. n.* [Structure of space and language of spatial relations in poetry of Vyacheslav Ivanov : dis. ... PhD of Philological Sciences]. Smolensk. 2012. 185 p.

12. *Klyuchevskij V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij v trekh knigah* [Russian history. Complete course of lectures in three books]. Available at: <http://bookre.org/reader?file=349061&pg=36> (date accessed: 25.03.2020).
13. *Custine A. de. Nikolaevskaya Rossiya* [Nikolay's Russia] / transl. from French by Ya. Gessen and L. Domger. M. Publishing house of political literature. 1990. 352 p.
14. *Custine Astolphe de. Iz knigi "Rossiya v 1839 godu"* [From the book "Russia in 1839"] / transl. from French by V. A. Milchina, I. K. Staf // "What do you need in this Nizhnyy?..". Nizhny Novgorod. Knigi ; DECOM. 2011. Pp. 24–59.
15. *Lynch K. Obraz goroda* [The image of the city] / translated from English by V. P. Glazychev. M. Stroyizdat. 1982. 328 p.
16. *Lotman Yu. M. O metazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury* [On the metalanguage of typological descriptions of culture] // *Lotman Yu. M. Semiosfera* [Semiosphere]. SPb. Iskusstvo – SPb. 2000. Pp. 462–484.
17. *Nagina K. A. Prostranstvennye universalii i harakterologicheskie kollizii v tvorchestve L. Tolstogo : monografiya* [Spatial universals and characterological collisions in the work of L. Tolstoy : monograph]. Voronezh. Nauchnaya kniga. 2012. 443 p.
18. *Nevzorov M. Puteshestvie v Kazan', Vyatku i Orenburg v 1800 godu* [Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800] // *Landshaft moih voobrazhenij. Stranicy prozy russkogo sentimentalizma* – Landscape of my imaginations. Pages of prose of Russian sentimentalism / comp., introd. art. and notes by V. I. Korovin. M. Sovremennik. 1990. Pp. 440–499.
19. *Sollogub V. A. Tarantas* [Tarantas] // *Sollogub V. A. Povesti. Vospominaniya* [Stories. Memoirs]. L. Hudozhestvennaya literatura. Leningrad branch. 1988. Pp. 191–327.
20. *Dumas Alexandre. De Paris à Astrakan: nouvelles impressions de voyage. T. 7.* Leipzig : Jung-Treutel, 1862. 202 p.
21. *Gautier Théophile. Voyage en Russie.* Paris : G. Charpentier, 1875. 438 p.
22. *Marquis de Custine. La Russie en 1839. T. 3.* Bruxelles : Société typographique Belge, 1844. 255 p.